

*Адольфу Гуггенблю-Крейгу
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «COLTIVARE L'ANIMA»

Именно в этой первой строке я хочу выразить свою благодарность моему русскому коллеге и редактору Валерию Зеленскому и издателю ...

Переводы на русский язык могут быть – по крайней мере на этом переходном этапе – экономически не столь актуальными для западных авторов, но обладают исключительной культурной значимостью. В частности, книги юнгианской психологии всегда встречали неожиданно компетентных и широких читателей (но почему это было неожиданно?). В некоторых случаях, несмотря на все еще сложное распространение, они продали больше копий, чем на любом западном языке. Рост аналитической психологии в России по сравнению с остальной международной ареной – это то, что я имел честь наблюдать довольно внимательно. (В значительной степени это совпало с моим членством в Исполнительном комитете Международной ассоциации аналитической психологии и, в конце концов, его президентом).

Конечно, в последнее десятилетие XX века распространение книг аналитической психологии в России пошло с нуля до соответствующего присутствия новых культурных дебатов. Но есть и менее случайные, действительно структурные причины для этого взрыва интереса. Поэтому я думаю, что он будет расти еще довольно долго.

С одной стороны, так сказать, Россия с самого начала является неизвестным континентом для юнгианской психологии. Беглый взгляд на Общий указатель собрания

сочинений Юнга сразу убедит вас в том, что цитаты из России недостаточно представлены по сравнению с другими европейскими странами. Дисбаланс становится еще более поразительным, если сравнивать с неевропейскими странами: Россия номинирована только 18 раз, по сравнению с 78 для Индии, 129 для Китая и целыми страницами индекса, посвященного Америке (более того, все эти три страны также указаны в заголовках), поэтому им посвящены целые тексты, а слово Россия часто встречается только в сноске).

С другой стороны, Россия – это континент, который знает юнгианскую психологию, даже если об этом не думали. Если вы спросите заядлого путешественника, где в Европе он думает, что идея архетипа, скорее всего, будет понятна даже среди людей, которые не изучали аналитическую психологию, он, вероятно, ответит «Россия». Осознание внутренних корней дало русской культуре необычайную способность к выживанию благодаря переменам XX века в той степени, в которой это видно и торопливому (спешному) путешественнику.

Надеюсь, что название моей книги «Возделывание души» («Возделывание Души») – итальянский перевод латинского выражения Цицерона – находит убедительный перевод на русский. (Сейчас мы привычно пользуемся термином СОЗИДАНИЕ ДУШИ) Это относится к архетипической деятельности – очищению внутреннего пространства – и к общим отношениям с архетипами одновременно. Оба должны найти в русской культуре более одного повода для серьезного понимания. Слово «душа» здесь менее подвержено опасности риторических манипуляций, чем на Западе. Будем надеяться, что так будет и дальше.

Последнее наблюдение. В последние годы я наблюдал, как конгрессы или сочинения по аналитической психо-

логии и китайской культуре, а также по аналитической психологии и японской культуре развиваются с чрезвычайной плодovitостью. Пора подумать о конкретных исследованиях по «аналитической психологии и русской культуре».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды психоаналитики различных школ и направлений решили сделать вид, что незнакомы друг с другом как специалисты. При этом они сделали нечто еще более сложное и огорчительное. Поскольку они всегда кружили вокруг мифа, как собаки вокруг кости, то решили использовать миф и для того, чтобы разделиться.

Психоаналитики знали, что точное наименование их специальности – «глубинная психология». И они были хорошо знакомы с мифом о Вавилонской башне, который кончается тем, что каждый должен пойти по собственному пути, потому что больше нет возможности понимать друг друга.

Итак, психоаналитики решили вновь воплотить этот миф в перевернутом виде: вообразите башню, сооружаемую вниз, в землю. Психологическая реальность развивается не вверх, а вглубь. Двигаясь в поисках психологической истины все глубже, они усложняли конструкцию перевернутой башни до тех пор, пока в какой-то момент продолжать строительство стало невозможно. Каждый начал говорить на своем языке. Образовывать собственную семью. Отрицать, что язык остальных может служить средством выражения *истины* (странным образом эта ложь, эта клевета выглядела правдивой: и действительно, коль скоро речь идет о других языках, истина именуется не «истиной», а иным словом). В общем, психоаналитики осознали то, что изменялось, но они разошлись в разные стороны и утратили осознание того, что оставалось стабильным и неизменным.

Бог – или новый бог, или новый участок их мозга, который соответствовал прежней концепции божественно-

сти, – смешал их языки, если не сами их идеи. И психоаналитики перестали общаться друг с другом.

Сразу же уточню, дабы не вводить читателя в заблуждение. Эта книга родилась из факта происшедшего раскола. Даже если это книга по юнгианской психологии, разрыв, о котором идет речь, произошел не между Фрейдом и Юнгом. Речь идет о нечто ином. Это различие психологических тенденций, которое обнаруживается часто у разных авторов (и даже у одних и тех же авторов, но в разные периоды их творчества) при сравнительном анализе. В том числе и в работах Фрейда и Юнга.

В сущности, мы имеем дело с противопоставлением устойчивого и всеобщего, с одной стороны, и изменяемого и частного – с другой.

Переход от одного из этих противоположных принципов к другому не разделяет, а объединяет лидеров двух школ. Интерес Фрейда с годами смещается от чисто клинического материала к отдельным видам патологии и отдельным пациентам, а далее – к мифологическим, библейским темам, к происхождению и смыслу культуры. Юнг, после краткого периода клинических наблюдений и экспериментов, обращается к изучению архетипов: к религии, антропологии, алхимии, мифам и сказкам; к темам, общим для различных народов, независимо от эпохи и места. Таким образом, оба мастера со временем переключают свое внимание с патологии (нечто отличное от должного хода вещей) на модели нормы, говорящие именно о том, как должно быть.

В Цюрихе все еще рассказывают вполголоса – кто со смущением, кто с упреком – следующий эпизод. Один американец приехал в Швейцарию, чтобы познакомиться с мастером, и через некоторое время попросил заняться с ним анализом. После нескольких сессий Юнг посмотрел на него и сказал: «Сожалею, но Вы рассказываете мне в

основном о своих родителях, и Ваши сны говорят о том же. Я понимаю, что Вам это нужно, и испытываю к Вам симпатию. Но я не могу быть Вашим аналитиком: меня интересуют архетипы»¹.

В XX веке в целом – и особенно во второй его половине, после смерти обоих учителей, – ориентация основных психоаналитических школ сместилась в обратном направлении. Как среди последователей Фрейда, так и, пусть в меньшей степени, среди последователей Юнга все больше внимания стало уделяться возрастному развитию: то есть именно человеку, который изменяется, в противовес тому, что остается в нем неизменным. Более того, они сосредоточились на первых стадиях жизни; и поскольку общество на этом этапе мало связано с ребенком, то интерес вызывало его развитие как отдельной личности, а не как субъекта культуры и истории.

Однако из сказанного никак нельзя сделать вывод, что интерес категорически и исключительно замкнулся на решении вопросов, связанных с психологией развития.

Можно указать только, что сегодняшнее психотерапевтическое внимание к развитию отдельной личности превалирует в общественном сознании, поскольку новые обстоятельства юридического, профессионального (чтобы не сказать корпоративного) и рыночного характера подталкивают к движению в этом направлении. И действительно, во всем мире психотерапевтический рынок близок к скорому насыщению и, следовательно, действует по законам конкуренции, столь же острой сегодня, как неведомой ранее. Этот факт в соединении с другими историческими обстоятельствами – к примеру, быстрое рождение европейского законодательства – подчинил аналитические школы нормам и вовлек их в процессы институционализации, доселе не существовавшие. Возвращаясь к нашей теме отметим, что это движение сместило

фокус обсуждений и споров от всеобщего на частное, от стабильного на изменяемое: *с вопроса* о том, что может сказать психоанализ, или аналитическая психология, о человеке и мире *на вопрос* о том, что может сказать данный конкретный аналитик о конкретном пациенте (или еще лучше: сколько времени и денег потребуется на выздоровление). Потому что именно эти вопросы интересуют министерских чиновников и представителей практической психологии.

Если все же аналитик обладает достаточно сильным голосом, чтобы заставить выслушать себя в качестве профессионала, мыслящего о человеке в целом, а не только как специалиста отдельной терапевтической школы, он может собрать неожиданно большое число слушателей. Это случай, например, Джеймса Хиллмана², который подверг пересмотру взгляды психологов на условия человеческого существования.

По сути своей то, о чем мы говорим, представляет собой частный случай инволюции культурных и политических дебатов в мире. После заката великих идеологий большие темы уже совсем не обсуждаются, не отмечаются более существенные различия между левыми и правыми; кажется, что умы затрагивает только частное и изменяемое, то, что имеет индивидуальное значение. Однако достаточно воспроизвести в новом ключе одну из универсальных и вечных тем (Шекспир в кино, например), и оказываешься перед лицом неожиданного успеха (но почему неожиданного?).

В общем, эта книга родилась так. Однажды я получил от одного из коллег запрос, показавшийся мне не вполне определенным. Мой коллега – грек-киприот, который жил в Южной Африке, затем преподавал юнгианскую психологию в Восточной Европе, был редактором газеты по вопросам юнгианского анализа в мире и живет сейчас

в Лондоне. Он просил изложить мою биографию и мои жизненные интересы в виде, пригодном для публикации. Я подумал, что обычно подобные вещи практикуются в случае смерти и поэтому, из суеверия, их оставляют на других. Но я также подумал, что, вероятно, будет несправедливым побуждать других к изложению моей жизни, не сделав это самостоятельно. С некоторым сопротивлением я начал консультироваться у своей памяти и у своих записей.

Я обнаружил, что после получения диплома аналитика я надолго посвятил себя клиническим случаям и частным проблемам: я даже вернулся на несколько лет в Цюрих, где получал диплом; и сделал это именно потому, что мне предложили возможность поработать в клинике.

Однако выяснилось, что за последние десять лет – которые, случайно или нет, были последними годами века – растущее число моих заметок и докладов, написанных вроде бы по совершенно различным поводам, выражало общую потребность отыскать вещи, которые мало изменяются с течением тысячелетий: понять, не являются ли некоторые события, которые кажутся нам современными и новыми (приведем в качестве примера пагубное очарование телевизионными ток-шоу или сумасшествие вокруг принцессы Дианы), повторяющимися признаками мифа в его постоянстве.

Я попытался обрадоваться тому, что, вступая на эту дорогу (которая ведет к более значительному и более стабильному), я без особых усилий приближаюсь к великим основателям психоанализа. В действительности я не намеревался идти по этому пути и не осознавал, что иду по нему. Возможно, продвижение по нему происходит просто с течением лет, когда постепенно мы начинаем интересоваться бессмертием. А величие и постоянство мы ищем в наших детях или в отблеске бессмертия.

Миф – одно из немногих доказательств бессмертия, предстающих перед нашими глазами. Мы пользуемся им, чтобы напомнить о связи, существующей между основными мифологическими сюжетами и психологической литературой. Не Софокл описал Эдипов комплекс. Не потому лишь, что «комплекс» Эдипа – это только одно из возможных объяснений его мести, связанное с понятием, которого во времена Софокла еще не существовало: но и потому, что нельзя описать всеобщее через частное. Так что если на этих страницах сказано больше о Фрейте и Юнге, не стоит думать, что намерение поговорить о вневременных и универсальных вопросах настолько вскружило нам голову, что мы решили приспособить Гомера к нуждам этой книги. Напротив, сама книга – возможно, как и большая часть психологической литературы – оказывается скромным современным рупором, через который все еще говорит Гомер и его мифы. Связь между двумя мирами существует: но вряд ли глубинная психология может каким-то образом дополнить Гомера, который был глубже всякой психологии.

1. ПСИХИКА И ОБЩЕСТВО

1.1. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЗНАНИЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА⁵

Выражение «плохие учителя» часто употребляется в итальянском языке. В основном им называют тех интеллектуалов, которые после провозглашения революционных лозунгов оказались морально причастны к кровавому террору, развязанному «красными бригадами». Абстрактные разговоры превратились в конкретные судьбы. Слово стало плотью. Они могли только защищаться, обвиняя сами себя: вы не должны были понимать меня столь буквально, я этого вовсе не имел в виду.

Я хочу подчеркнуть, что в Италии плохие учителя часто были и великими мастерами величайшего, или по крайней мере известнейшего, искусства нашего века: кино.

«*Рим – открытый город*» Росселлини – фильм-манифест неореализма – описывает среднего итальянца как бесконечно сострадательного и благородного: с потрясающей нескритичностью мы принимаем этот комплимент и запоминаем его. Де Сика оправдывает «*Похитителей велосипедов*»: вместе с ним мы все оправдываем себя, и кража становится национальным архетипом. Феллини показывает с прощением и симпатией нашу сексуальную распущенность и наше равнодушие: мы находим его деликатным и возвышенным, мы начинаем гордо демонстрировать наше вольнодумство и безалаберность. Мы уверены, что это вызывает к нам симпатию европейцев и североамериканцев, и нам мало дела, что часто эта симпа-

тия сопровождается презрением. Может быть, мы не умеем выбирать друзей, но мы знаем, из какой дружбы можно извлечь выгоду.

Крайняя точка в этом упрощении – проглоченном мас-сами, хотя масс-медиа были еще в пеленках, и перевозносимом так, будто речь шла не о китче, а о возрождении кинематографа, – достигается в примечательном фильме «Итальянцы – молодцы» (Де Сантис, 1964). Средний итальянец хорош (более того: он отличный парень, потому что хорошего можно принять за дурака, а мы имеем право быть немного хитрецами, немного обманщиками, неизменно оставаясь при этом молодцами). Итальянский характер весь на свету, в нем нет затененных участков. У итальянца нет настоящих врагов: когда он имел дело одновременно с союзными войсками и их врагами, он делал это не по двуличию и не из коммерческой выгоды, а из врожденной неспособности испытывать враждебные чувства.

Так что итальянцы – и может быть, еще какие-нибудь счастливые народы – не имеют коллективной Тени.

Под Тенью аналитическая психология подразумевает часть бессознательной психики, отвергаемую Эго, потому что она состоит из качеств, морально неприемлемых или просто слишком отличных от Эго. Это второе допущение, более широкое, определяет гипотетический характер аналитической психологии. Последняя рассматривает невроз не как болезнь, а как «предложение», «послание» о возможности роста, отсутствующего в данный момент; и точно так же она не воспринимает Тень только как низшую часть, аморальную и неприемлемую для личности. Эту точку зрения Юнг оставляет за Фрейдом. Согласно Юнгу, вся психология его учителя представляет собой самое подробное исследование Тени, которое когда-либо было предпринято⁴. Фрейд действительно, занимался су-

ществом, скрытым под оболочкой цивилизованного человека, которым все еще управляют инстинкты и которое заключает в себе возврат к архаическому, а не попытку создать что-то новое; и такое «существо», в подобном контексте, неизбежно противостоит культуре. Тень в юнгианском, более широком смысле – это непознанная часть, которая скрывает в себе завершенность и полноту: то, что я должен знать о себе, чтобы действительно знать себя, то, что я должен знать о мире, чтобы познать реальный мир.

Из всего этого вытекает очень простое следствие.

Тот, кто не имеет тени, лишен фундаментального инструмента познания как в индивидуальном, так и в коллективном плане. Если я думаю, что у меня нет тени (низшей, животной и хищной части – или же просто отличной от того, как я вижу себя обычно), отличная от меня часть и мой эгоизм (архетипы, которые неизменно принадлежат к психическому) от этого не перестают существовать. Перестают существовать только внутренние качества, которые воспринимаются извне, в других: иначе говоря, проецируются.

Психическое и его архетипы функционируют не слитно – в таком случае они уже были бы полны и не «функционировали» бы, оставаясь статичными, – а в парах дополняющих друг друга составляющих. *Puer* существует только в противопоставлении с *Senex*, ребенок со стариком. Не существует ребенок сам по себе: существует единый архетип с двумя полюсами – ребенка и старца. Мужское и женское определяются не сами по себе, а как отличие от другого пола, и так далее. Один из двух полюсов соответствует Эго, другой является внутренним и бессознательным. Если я мужчина, то в моем бессознательном скрыта женщина, я проецирую вовне эту внутреннюю фигуру и умираю от желания соединиться с ней. Если я старик, я страдаю ностальгией по молодости.

Чтобы обнаружить это, нет необходимости всякий раз спрашивать у Юнга. Уже Платон в «Симпозиуме» символически поведал нам об этих ограничениях: вначале люди соединяли в себе оба пола. Зевс разбил их на два отдельных существа – мужчину и женщину, которые, по сути, только две половины одного целого. С этого момента, страдая от неодолимой тоски, они вечно ищут друг друга. В поисках другого мы пытаемся восстановить собственную первоначальную целостность.

Так называемые перенос и контрперенос в аналитической работе тоже не более чем метафоры, выражающие мощную потребность излечить раскол архетипической пары больной – целитель и восстановить целостность. Терапевт, который в силу своей профессии стоит на одном полюсе, пытается приблизиться к пациенту, поскольку хочет стать целостным и обрести свою Тень, больного внутри себя. Пациент, которого болезнь вынудила встать на другой полюс, хочет соединиться с аналитиком, чтобы символически обрести своего внутреннего целителя, единственного, кто может вернуть ему устойчивое равновесие. До тех пор пока другой внутри себя остается бессознательным, он проецируется и узнается только в других. Но эта проекция – уже начало знания и путь к обретению целостности.

Эти факты хорошо объяснил Адольф Гуттенбюль-Крейг⁵, который также дополнил их парадоксальным утверждением. Аналитики, которые уступают искушению манипулировать пациентом с целью обрести над ним власть или соблазнить его, с неизбежностью «застревают»: они пренебрегли важностью символов раньше даже, чем профессиональной этикой, цель анализа – обретение двух расколотых полюсов архетипа целитель – больной, а не двоих олицетворяющих их людей.

Однако и другие аналитики, которые никогда не увлекаются подобными манипуляциями (в которые их пытаются вовлечь пациент) и сохраняют дистанцию, те, в чьей работе отсутствует эротическое напряжение, по-своему ущербны. Они не только статичны, и в силу этого с трудом меняют что-то в пациенте: они распространяют культ самодостаточности и равнодушие к отличиям, несовместимые с нашим идеалом психического как органа, пребывающего в постоянном движении, всегда заинтересованного, составляющей, которая постоянно стремится к целостности. Они «отличные психотерапевты» – обескураживающая профессиональная разновидность «отличных парней».

Если мы остановим первых, которые хотят доминировать над пациентом, то такие аналитики – как мы надеемся – признают свою ошибку, в которой таится созидательное указание на необходимость осознать иное и ассимилировать его. И тогда, заплатив за ошибку, они получают возможность приобрести билет для более полновесной жизни.

Вторых, самодостаточных аналитиков, критиковать не за что, потому что тот, кто не движется, не ошибается и в выборе пути: но они не совершат и самого путешествия. В перспективе они могут оказаться опаснее первых, поскольку необходимость конфронтации с «другой половиной» может возникнуть неожиданно и застать их врасплох.

О коллективной психике можно думать в схожих понятиях.

Идеалом было бы жить в обществе, терпимом к различиям, сознательном и ответственном за свое существование как внутри себя, так и в отношении соседних народов. Поскольку такие условия немногим более чем пожелание, в реальности мы находим множество стран, в которых

есть национальные, сексуальные и другие меньшинства, маргинальные группы, иностранцы, которыми большинство старается манипулировать и которых стремится подавить; есть и некоторые страны, в достаточной мере однородные и влиятельные, чтобы позволить себе такую жизнь, которая с точки зрения психологии несет в себе черты аутизма, состоящие в незнании и намеренном игнорировании существования другого.

Среди них Италия в первом ряду. Еврейская диаспора в ней мала и поглощена христианством, иммигрантов с других континентов традиционно мало по причине отсутствия колоний; Италия незнакома с другими на своей территории. В отличие от языков других европейских стран – английского, французского, немецкого, испанского и даже португальского, – на итальянском говорят только в Италии. Однако территория страны и италоговорящее население достаточно велики, чтобы не возникало особой потребности изучать другие языки и знать другие народы. В отличие, например, от голландцев или скандинавов, в странах которых развито мореходство и которые в силу этого хорошо знакомы со многими другими народами; из-за малого распространения своих языков они с детства учатся пользоваться другими языками.

Внешне за последние несколько веков страна под названием Италия не встречалась лицом к лицу с сообществами других ни вовне, ни внутри. Отсутствие такой практики породило сентенцию, что итальянцы – не расисты, исключение в Европе, которая изобрела расизм; в стране образуется порочный круг с утверждением о «молодцах». Посредством устраиваемой всех фальсификации то, что было лишь нехваткой, оказалось достоинством.

Поэтому стало настоящей национальной трагедией, когда буквально за несколько лет миграция из развивающихся стран и Восточной Европы явила на свет в Италии

архаичного человека, который, как и у других народов, не доверяет чужим, но, в отличие от остальных народов, не желает встречи с ними. Полиция била иностранцев, потому что они – иностранцы; граждане выходили на улицы, протестуя против перспективы принятия беженцев, число которых составляет десятую, пятидесятую, если не сотую часть от того количества, которое приютили другие европейские страны. И в первую очередь те, кого мы считали расистскими, такие, как Германия; страны, от которых мы отстранялись, чтобы продолжать себя извинять.

С прибытием страждущих «отличные ребята» закрыли двери. Они оказались способными на заурядную подлость, то есть самыми обычными: но без привычки бороться с тенью – с иным, со злом, – потому что они не пережили историю ни этого столкновения, ни его искупления, которое может происходить, скажем, через Нюрнбергский процесс или Комиссию по национальному южноафриканскому примирению. По сути, между концентрационными лагерями нацистов и сомалийцем, заживо сожженным на улице Рима, есть огромная количественная разница – потому что первое преступление использует промышленный аппарат, – но отнюдь не качественная. Преступление против человечества и, с нашей точки зрения, против психического по сути одно и то же: потому что естественный интерес к различиям пробуждает не стремление познать другого, а попытку его разрушить. И отказываясь от встречи вовне, мы также запрещаем себе знакомство с другим в самих себе.

Как и внутренний мир, наш географический мир состоит из соединений и разломов, из союзов и разрывов. Сегодня рубцуется та рана, названная Черчиллем «железным занавесом» в 1946 году, которая разделила Европу «от Щецина до Триеста». Мы думали, что она навсегда останется эмблемой разделения мира и невозможности

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru